

Продолжение.
Начало в "PM" №4249.

Юрий Дружников

«Оппозиция
не в цене у народа»

Лето подходило к концу, а с ним приближалась распутица, и Пушкину надо было на что-то решаться. Тригорские друзья и друзья их друзей были милы в компании, и весело было с ними проводить время, но теперь они разъехались и напрочь забыли о михайловском затворнике. Вяземский находился в Ревеле, куда выехал на летний отдых. Там же отдыхали родители Пушкина и его сестра. Вяземский, поддерживая контакт с родителями Пушкина, одновременно внушал, что поездка во Псков необходима «во-первых, для здоровья, а во-вторых, для будущего». «Для будущего» надо поступить как разрешено, нежелание ехать сочтут за неповиновение, и ошейник могут еще туже затянуть: «Право, образумься, и вспомни собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали, есть еще и такая привязь, что разом уgomонит дыхание; у султанов она называется почетным шнурком, а у нас этот пояс называется Уральским хребтом».

Друзья уговаривают: смиришься и терпи, ибо всем плохо. «Ты ли один терпишь, — взывал Вяземский, — и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но и вообще европейским». Вяземский удерживал Пушкина от побега. Альтернативой был все тот же Псков. «Соскучишься в городе — никто тебе не запретит возвратиться в Михайловское: все и в тюрьме лучше иметь две комнаты; а главное то, что выпуск в другую комнату есть уже некоторый задаток свободы». И дальше в том же письме Вяземского: «Будем беспристрастны: не сами ли ты частью виноваты в своем положении?»

Как это знакомо! Всем плохо, почему же ты хочешь, чтобы тебе было лучше? Хочешь выехать? Но ты же сам виноват в том положении, в котором оказался. Вот оно: сам виноват. А в чем виноват русский поэт? Вяземский так формулирует вину: «Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом». И совет: «Отдохни! По-

Пушкин:
через Ригу в Европу

пробуй плыть по воде: ты довольно боролся с течением».

Вяземский недвусмысленно объясняет другу, что положение гонимого не прибавляет популярности в глазах русской публики. «Хоть будь в кандалах, — пишет Вяземский, — то одни и те же друзья, которые теперь о тебе жалеют и пекутся, одна сестра, которая и теперь о тебе плачет, понесут на сердце своем твои железа, но их звук не разбудит ни одной новой мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток!» И добавляет: «Оппозиция — у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях: она может быть домашним рукоделием про себя и в честь своих пенатов, если набожная душа отречься от нее не может, но промыслом ей быть нельзя. Она не в цене у народа...»

Анализируя ситуацию, Вяземский просто называл вещи своими именами. «Пушкин как блестящий пример превратностей различных ничтожен в русском народе: за выкуп его никто не даст алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрывка. Мне все кажется, que vous comptez sans votre hôte (что ты строишь расчеты без хозяина. — Ю.Д.), и что ты служишь чему-то, чего у нас нет».

Вяземский просит сестру Пушкина Ольгу уговорить брата помириться с отцом, ведь известие о ссоре вредит поэту в глазах Александра I. Друзья не помогают не потому, что они плохие друзья, — они не могут помочь, они такие же собаки Хемницера, только поводок подлинней. Вяземский из них самый догадливый, самый терпимый, но и он призывает к смирению. Уговаривая смиряться, Вяземский тем самым в письме доказывает, что в России Пушкину жизни нет и быть не может. И Пушкин прямо пишет ему, что его болезнь лишь предлог: «Аневризмом

своим дорожил я пять лет как последним предлогом к избавлению, ultima ratio libertatis — и вдруг последняя моя надежда разрушена проклятым дозволением ехать лечиться в ссылку». Латинские слова переводятся в разных изданиях как «последний довод за освобождение» или «последний довод в пользу освобождения», — но там и там довод, а у Пушкина суть черным по белому — предлог. Эту разнопонимаемость Пушкин выразил в каламбуре: «...друзья хлопочут о моей жиле, а я об жиле. Каково?»

При этом он не делает попытки объяснить друзьям, что с ним происходит, и снова сообщает Жуковскому, что он болен аневризмом вот уже пять лет (два месяца назад он писал тому же Жуковскому, что болен десять лет). «Вам легко на досуге укорять в неблагодарности, — отвечает Пушкин Вяземскому, — а были бы вы (чего Боже упаси) на моем месте, так может быть и плуце моего взбеленились... Они заботятся о жизни моей; благодарю — но черт ли в адакой жизни?.. Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование; выписывают мне Мойера, который, конечно, может совершить операцию и в сибирском руднике...»

А Жуковский советовал Пушкину не только оперироваться, но и делать быстрее «Годунова». При наличии «правильной» пьесы легче-де будет помочь автору. Пушкин мечется. Он хочет всем доверять и не может никому. «На свете нет ничего более верного и отрадного, нежели дружба и свобода, — пишет он Осиповой. — Вы научили меня ценить всю прелесть первой». И в то же время:

Что дружба?

Легкий пыл похмелья,

Обиды вольный разговор,

Обмен тщеславия, безделья

Иль покровительства позор.

Он за и против, он левый и правый, он конформист и диссидент. Он устал. Поэзия Пушкину надоела: «...на все мои стихи я гляжу довольно равнодушно, как на старые проказы». Он пишет Анне Керн в конце сентября: «Пусть сама судьба распоряжается моей жизнью; я ни во что не хочу вмешиваться». Между тем, это лишь поза, игра, кокетство. Он спешит успокоить знакомых в Петербурге, что они не зря за него хлопотали. В голове его созревает компромиссный вариант, следующая попытка, которая совпала с визитом одноклассника.

Незادанный вопрос

Помещик Пещуров, взявший на себя негласное наблюдение за поэтом, сообщил своему племяннику в Париж, что общается с Пушкиным. Племянник собирался навестить дядю по дороге из-за границы домой. Это был лицейский товарищ и тезка поэта Александр Горчаков, дипломат, ставший впоследствии министром иностранных дел Российской империи, канцлером. Их многое разделяло, но и объединяло многое. Они общались не раз в Петербурге во время приездов Горчакова из-за границы, хотя особой близости и доверия у Пушкина к нему не было.

Горчаков не боялся увидеться с опальным приятелем, хотя многие это делать опасались. Знающий общую ситуацию Александр Тургенев, близкий Пушкину человек, уговаривал Пушину не ехать в Михайловское, ибо это может ему повредить. А потом советовал Вяземскому прекратить переписку с Пушкиным, чтобы не повредить ему и себе. Сам Тургенев вполне следовал в это время своему правилу. Горчаков же, хотя и не заехал в Михайловское,

сославшись на простуду, встретился с Пушкиным, несмотря на предупреждение своего дяди о том, что поэт находится под надзором.

Встреча с Горчаковым могла бы стать, нам кажется, переломным моментом в жизни Пушкина. Горчаков уже был влиятельной фигурой в министерстве иностранных дел и вообще в русской дипломатии. Он находился в Вене, когда туда приехал царь и при нем Бенкендорф. Горчаков отказался выслушивать назидания Бенкендорфа, и скоро в его досье появилась запись: «Князь Горчаков не без способностей, но не любит Россию». Не опасайся его Пушкин, обсуди с ним жизненно важную проблему, — не исключено, что Горчаков бы помог. Но Пушкин вел с ним разговоры, не касаясь большой темы, читал ему отрывки из «Бориса Годунова». Вспомнили общих друзей.

Видимо, сказалось и настроение поэта, который отнесся к заезжему чиновнику холодно: «Он ужасно высох — впрочем, так и должно; зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием; первое все-таки лучше». Из этого следует, что Пушкин считал: он сам здесь гниет. По настроению своему Пушкин и Горчаков сделали жертвой российского климата, хотя тот больше жил за границей. Расстались они без энтузиазма. А четыре месяца спустя, сразу после восстания декабристов, Горчаков тайно явился на квартиру Ивана Пушину и предложил тому заграничный паспорт. Бежать можно было сразу. От паспорта Пушин отказался, решил разделить участь товарищей. Стоит ли говорить, какому риску подвергал себя Горчаков? Обратился ли поэт с такой просьбой или Горчаков с таким предложением в августе 1825 года, когда они встретились? На этот вопрос мы никогда не получим ответа. Существует и другая версия, что Горчаков ездил во Псков просить за Пушкина, поручился за него губернатору. Версия эта сомнительна: кто-кто, а Горчаков не мог не понимать, что дело Пушкина решается не во Пскове.

Таинственный
хирург Руланд

Анна Керн из Риги уговаривает Пушкина подать прошение царю. Он благодарит за совет, но отвечает, что не хочет этого делать. На самом деле именно лояльное прошение он вновь собирается написать. Повидимому, уже готов черновик, только теперь это будет целая серия действий, с учетом прошлых ошибок. Из замысла отправиться в Ригу созревает новый проект, который мы назовем Балтийским.

Новый вариант проявился, когда из Риги в Тригорское вернулась Осипова. Она привезла важную новость, о которой Пушкин тотчас поведал в письме Жуковскому. «П.А.Осипова, будучи в Риге, со всею заботливостью дружбы говорила обо мне оператору Руланду; операция не штука, сказал он, но следствия могут быть важны: большая доля лежать несколько недель неподвижно etc. Воля твоя, мой милый, — ни во Пскове, ни в Михайловском я на то не соглашусь...»

Итак, военный хирург Руланд, с которым Осипову свел скорей всего генерал Ермолай Федорович Керн, отнесся к будущему пациенту серьезно и согласился делать операцию. Два новых участника оказались втянутыми в Балтийский проект Пушкина: хирург Руланд и генерал Керн. Причем оба они понятия не имели об истинных намерениях

поэта.

В архиве Музея истории медицины в Риге нам удалось найти несколько документов, касающихся Руланда. Справочник «Врачи Лифляндии», изданный по-немецки в Латвии (в Митаве, ныне Елгаве), хотя и ссылается на академический альбом, но биография Руланда несколько отличается в деталях.

Хайнрих Христов Матиас Руланд (Модзалевский называет его Генрих-Христиан-Матвей) родился в Беддингене под Браушвейгом (Модзалевский указывает Брауншвейг) 17 марта 1784 года. Он был сыном специалиста по ранам. Руланд-младший принадлежал к тем иностранцам, которые по приглашению русской власти приехали в Вильну, чтобы изучать медицину за казенный счет («за счет короны», говорится в издании «Врачи Лифляндии»). Оттуда студент Руланд был направлен в январе 1811 года в Дерптский университет, где продолжал штудировать медицину.

В декабре 1812 года Руланд окончил медицинский факультет и получил должность штаб-лекаря в Рижском военном госпитале. Через несколько лет у него появилась частная практика. Хайнрих Руланд умер в один год и следом за Пушкиным — 13 марта 1837 года. В некрологе по случаю его смерти, который нам удалось разыскать, Руланд назван рыцарем. Таким образом, в тот год, когда Пушкин собирался с ним увидеться (или только использовать его приглашение для выезда в Ригу, а затем и дальше), Руланд исполнился 41 год. Будучи на пятнадцать лет старше Пушкина, он уже был опытным врачом с тринадцатилетней практикой.

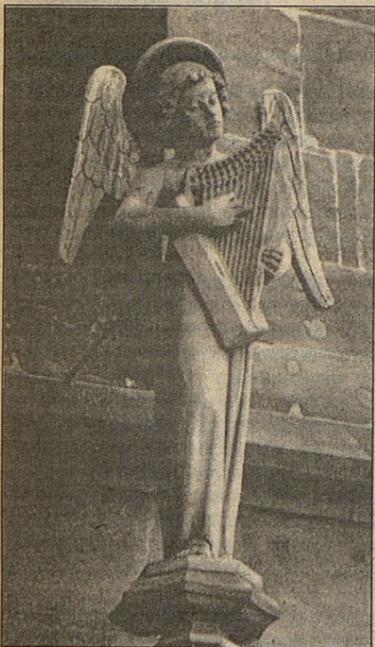
Сложнее обстояло дело с протекцией генерал-лейтенанта Керна, поскольку за три месяца до этого у Пушкина был роман с его женой. Боясь, что этот роман разрушит семью, опытная соседка Пушкина и родственница Анны Керн Осипова увезла ее к мужу в Ригу, обещая при этом Пушкину найти ему там врача. Плетя любовную интригу, Пушкин, судя по письмам, издевался над Керном как хотел. Можно себе представить, что он говорил о нем устно. Между тем Ермолай Федорович Керн, участник войны с французами, хотя и был старше своей жены на тридцать пять лет, сохранял хорошее здоровье и считался не только крупным военным, но и интересным светским человеком. Брак этот был не по расчету. Повторяя без комментариев иронические замечания Пушкина, литературоведы необъективно по отношению к генералу Керну.

В начале октября 1825 года Керны приехали навестить родню в Тригорском, и генерал познакомился с Пушкиным. Зная свою хорошенькую и кокетливую жену, Керн мог ее подозревать. «Он очень не поладил с мужем», — признавалась впоследствии Анна Керн Анненкову. Пушкин же в письме приятелю Алексею Вульффу об этом самом эпизоде писал совершенно противоположное: «Муж ее очень милый человек, мы познакомились и подружились». Как объяснить это противоречие?

Пушкин же, думается, предвидел, что комендант Риги генерал Керн, когда поэту удастся там оказаться, сможет реально помочь. И во время пребывания Кернов в Псковской губернии он старался произвести на генерала хорошее впечатление. Он умел это делать, и, как ему казалось, это удалось. Когда конфликт в семье Кернов усугубился, Пушкин из этих соображений попытался примирить супругов: «Постарайтесь же хотя мало-мальски наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном». Формула «тяжело больной поэт» в глазах всех участников этой истории отодвигала на второй план любовную аферу с Анной Петровной.

Дейвис (Калифорния)

Окончание следует.

«Мессией» Генделя? Вопрос риторический: ясно, что есть. Разумеется, я не говорю о текстах — исключительно о музыке. Для обозначения основного признака рождественской музыки я бы воспользовался словом «святочный». В отличие от Страстной седмицы, сюжет которой также претворен в музыку (и здесь абсолютная вершина — Баховские «Страсти»), музыка Рождества, музыкальное звучание Рождества как бы возникает из потребности в умилении, растроганности безгрешностью свершившегося.

Музыка в Рождество — это музыка для детей всех возрастов. Я не оговорился, не для людей всех возрастов, а именно для детей всех возрастов. Сразу приходит на память наивное искусство, всевозможные примитивисты, а в том, что касается европейского музыкального обихода, — опера Гумпердинка «Гензель и Гретель» по сказке братьев Grimm.

Уже более ста лет, как эта детская опера является, условно говоря, неотъемлемой частью музыкальной рождественской программы. Редкий случай: одними лишь средствами музыки она превращена в рождественскую сказку.

В рождественской музыке есть, если угодно, соблазн пантеизма — обожествление природы и ее явлений, иллюзия, что истина может воцариться в мире без того, чтобы быть распятой на кресте. Гармония мира, гармония сфер празднует свой час. Не природа преобразуется в человека в согласии с учением Христа о личном бессмертии, личном спасении — до Пасхи, до торжества над смертью еще далеко. Нет, гармония рождественских звуков выражает скорее обратное: человек без остатка растворился в своем восторге перед красотой мира, святостью ночи, в которую был рожден Божественный Младенец. И через этот восторг одухотворена доселе бездушная материя. Косная, слепая, враждебная человеку природа как бы прозревает: животные, растения, небо, звезды — вслед за человеком все исполняется космического счастья. Западноевропейская музыка свидетельствует это — не потому ль и почитает на ней благодать Господня?